

Мутации или этика? Замечание к теории этногенеза Л. Н. Гумилева

Ю. Л. Словохотов

ЮРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ СЛОВОХОТОВ — кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник Института элементоорганических соединений им А. Н. Несмеянова РАН. Область научных интересов: структурные исследования, теоретическая химия.

117334 Москва, ул. Вавилова, 28, ИНЭОС РАН, тел. (095)135-92-72, факс (095)135-50-85, E-mail slov@ineos.ac.ru

Этические отношения, или заданные окружающей средой правила общественного поведения индивидуума принято относить к вторичным социально-историческим факторам. (Под окружающей средой в широком смысле слова мы понимаем не только условия и средства непосредственного воспитания человека, но и любые внешние воздействия на память людей.)

Общепризнано, что именно вторичные («надстроечные») факторы в конкретный исторический период определяют особенные, неповторимые черты любой человеческой общности — от народа до отдельной семьи. Социально-психологическими особенностями конкретных народов нередко объясняют даже ключевые исторические события (например, победу над заведомо более сильным противником в войне на уничтожение). Тем не менее, динамику исторического развития принято обсуждать в рамках более общих («базисных») понятий — географических, биологических, экономических и некоторых других.

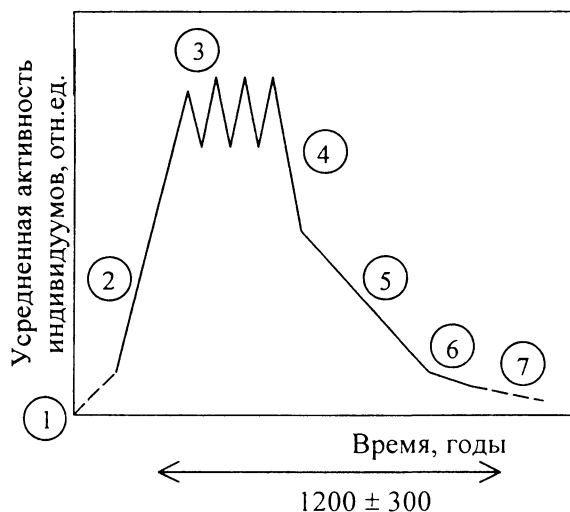
Хотелось бы высказать здесь альтернативную точку зрения на роль этики в истории. По нашему мнению, этика как устойчивая, специфическая для каждого народа программа социального поведения людей служит одним из главных факторов, определяющих все аспекты жизни общества. «Этическая программа» любого уровня человеческой общности обладает определенной структурой, поэтому она поддается количественному исследованию и, возможно, сознательной модификации.

Стихийная модификация национальной этики, протекающая на протяжении ряда поколений, определяет такой ключевой параметр истории любого народа, как время его жизни — период от зарождения через фазы развития до его распада (гибели).

Указанная точка зрения восходит к теории этногенеза, сформулированной и развитой Л.Н. Гумилевым [1, 2]. Считая эту теорию важным этапом в естественнонаучном количественном описании общества, мы предлагаем внести в нее некоторые существенные уточнения. В рамках данной статьи термины «этнос», «народ» и «нация» употребляются как синонимы (прежде всего для облегчения стиля). Хотя столь вольное отношение к терминологии вряд ли допустимо, мы считаем, что основную идею статьи — большие человеческие общности обладают программой поведения, определяющей их историю — можно сформулировать даже на сугубо качественном уровне.

Гумилевская теория этногенеза постулирует, что народы, населяющие определенную территорию (этнос), обладают конечным временем жизни подобно другим биологическим объектам (организмам, биоценозам, биологическим видам и др.). История каждого этноса, по Л.Н. Гумилеву, начинается с некоторого внешнего воздействия — пассионарного толчка, а усредненная активность индивидуумов в составе этноса на протяжении всего периода его существования качественно отражается кривой, напоминающей функцию Лоренца (см. рисунок).

Активность молодого народа, возникшего в результате пассионарного толчка, вначале возрастает, реализуясь через борьбу с другими народами, через завоевание и освоение собственной территории и создание на ней простейших форм государственного устройства. Для индивидуумов на этой пассионарной фазе истории нации характерны коллективизм, массовый героизм и способность жертвовать собой ради своего этноса. Далее активность народа проходит через максимум — «акматическую фазу», которой обычно сопутствуют ожесточенная борьба за

Этапы эволюции этноса по Л.Н.Гумилеву (см. [2]):

- 1 — пассинарный толчок космического происхождения;
- 2 — пассинарный подъем;
- 3 — акматическая фаза;
- 4 — фаза надлома
- 5 — инерционная фаза (золотой век);
- 6 — фаза обскурации;
- 7 — гибель этноса как исторической общности людей

власть в рамках образовавшегося государства и большие флуктуации территории страны (примерами могут служить Русь в преддверии Смутного времени или Англия в период войны Алой и Белой розы). Спад активности этноса вначале сопровождается успешными территориальными завоеваниями, формированием развитой государственной структуры и накоплением технических, научных и культурных достижений в последующий период «золотого века».

В завершающей фазе — «фазе обскурации» наблюдаются замедление развития, культурно-политический консерватизм и апатия возрастающей части населения. В конце своей истории старый этнос, потерявший способность к сопротивлению враждебной среде, завоевывается соседними организованными народами («этнический сдвиг») либо гибнет от стихийных сил, включающих агрессию молодых низкоорганизованных этносов (пример — закат и гибель Римской империи).

Динамику развития и гибели этносов Л.Н. Гумилев объясняет генетическими факторами: массовым рождением жизнеспособных, социально активных индивидуумов-лидеров — пассинариев в результате этнического толчка и постепенной утратой «гена пассинарности» в последующей биологической эволюции. Средняя продолжительность жизни этноса, вычисленная в работах Гумилева на примерах нескольких десятков народов с хорошо документированной историей, составляет 1200 ± 300 лет. Если, несмотря

на очень размытые пределы такой оценки, принять ее как количественный параметр, то история некоторых этносов (Древний Египет, Индия, Китай) оказывается аномально длинной, а других (древняя Македония, польско-литовская Речь Посполитая, Австро-Венгрия) — аномально короткой. Кроме того, история ряда стран явно обнаруживает несколько максимумов активности, отстоящих друг от друга на несколько веков и притом происходивших без катастрофических изменений территории, языка и национальной культуры. Введенный Л.Н. Гумилевым дополнительный термин «суперэтнос» для населения некоторых регионов (Западная Европа, Россия, Китай), как и выделение им в истории России двух различных этносов (древнерусского и московского), не столько позволяют интерпретировать все эти факты в рамках теории этногенеза, сколько прямо указывают на ее существенные ограничения.

Абстрагируясь от количественных несовпадений, отметим, что описание фаз в историческом развитии этноса и указание на параллели такого развития с фазами развития биологических систем, по-видимому, являются самыми яркими сторонами теории этногенеза. Наиболее же существенные недостатки этой теории, по нашему мнению, состоят, во-первых, в выводе обсуждения причин пассинарного толчка за ее рамки и, во-вторых, в генетическом характере интерпретации общественных явлений. Термин «расизм», впрямую, конечно, не приложимый к теории этногенеза и тем более к личности ее автора, напоминает, однако, о принципиальной неадекватности генетико-эволюционного подхода к исследованию общественно-социальных явлений.

В нашей интерпретации исторического развития народов, модифицирующей теорию этногенеза, мы считаем твердо установленными такие ее положения, как конечное время жизни этноса и параллели между историей народа и динамикой развития живого организма — онтогенезом. Последний, согласно современным биологическим представлениям [3], можно рассматривать на информационном уровне — как развертывание генетической программы, позволяющей индивидууму какое-то время существовать в окружающей среде с последующим накоплением ошибок, которые приводят к сбоям в работе организма — старению и смерти.

Такой информационно-генетический подход — программа, фиксируемая и передаваемая вместе со сбоями (мутации) на молекулярном уровне — в исходном варианте теории этногенеза Л.Н.Гумилева переносится на социальное поведение людей («ген пассинарности»). На основании качественного сходства динамики развития народов и организмов можно предположить, вслед за Л.Н. Гумилевым, что каждый народ обладает определенной программой поведения,

которая развертывается в ходе его истории и подвержена изменениям, приводящим в конечном счете этнос к гибели. Мы полагаем, однако, что информационная программа этноса носит не генетический, а этический характер, будучи прямо связана с программируемостью человеческого сознания.

Развертывание жизненной программы этноса и последующее накопление в ней ошибок, с нашей точки зрения, можно объяснить без привлечения генетических предпосылок поведения людей, оставаясь на уровне анализа их социального поведения. Как история, так и современный опыт показывают, что зарождение и развитие молодого народа на территории государства-субстрата, занятой другими народами, сопровождается межэтнической борьбой. Подобно биологической борьбе за выживание, межэтническое противоборство заканчивается победой сильнейшего, и им в большинстве случаев оказывается не молодой народ, а более многочисленный и организованный этнос, доминирующий в государстве-субстрате. При этом поражение молодого этноса как самостоятельной исторической единицы может принимать разные формы: физическое уничтожение, изгнание или, в наиболее мягком и обычном варианте, различные виды ассимиляции.

Таким образом, самоопределение новых этносов в недрах существующих народов и стран вызывает сильное сопротивление и может завершиться победой молодого народа (т.е. захватом им территории) лишь при особых условиях. Подобно успешному развитию взрослой особи из зародыша, помещенного в неблагоприятную среду, возникновение нового этноса (с собственной территорией и государством) в статистическом смысле представляет собой исключение, а не правило.

Обязательным следствием национального самоопределения во враждебной окружающей среде является выработка молодым этносом особой военно-коллективистской этики, позволяющей бороться с более сильным противником в рамках государства-субстрата. Руководящим принципом такой этики является безусловное подчинение любых частей молодого народа (индивидуума, семьи, субэтноса) совокупным интересам нации. Именно этика военного коллективизма влечет за собой отмеченную Л.Н. Гумилевым массовую индивидуальную жертвенность среди побеждающих молодых народов.

Однако возводить данную этику в ранг общего исторического правила, нуждающегося в генетическом обосновании, по нашему мнению, равнозначно перестановке причины и следствия. Молодые народы, во-первых, далеко не всегда преуспевают в борьбе за национальное самоопределение (т.е. за захват территории), а во-вторых, массовые проявления пассионарности не определяют *a priori* победы нового этноса, а

лишь сопровождают с разной степенью успеха межэтническую и межгосударственную борьбу.

Военно-коллективистская этика борющегося народа не особенно похожа на более знакомый нам марксистский, а в конечном счете интеллигентский, социалистический коллективизм. Эта этика, которую было бы правильнее назвать архаической, основана на беспрекословном подчинении индивидуума власти, совместимой с национальными традициями. (Именно с такой «азиатской» этикой, обеспечившей существование России как независимого государства, боролись все отечественные просветители и либералы нового времени.) Взлет активности побеждающего этноса, как и успешная экспансия самоопределившегося государства, коррелирует с долей индивидуумов, которые могут отдать свою жизнь за решение любых проблем народа, включая самые мелкие.

Военные условия, в которых складывается этнос, сами по себе объясняют высокую долю пассионариев, поскольку для активных индивидуумов на этом этапе его истории открыта в основном военная карьера. Программа борьбы, обусловленная жесткими внешними условиями, которую индивидуумы должны принять, неизбежно порождает и расслоение общества на враждующие военные группировки в промежуточной «акматической фазе». Этим, между прочим, довольно естественно объясняется парадоксальный переход лидеров молодого этноса от жертвенности и коллективизма в пассионарной фазе к открытой борьбе за власть в «акматической фазе» — это эмпирически общее явление подробно не рассматривается в известных нам работах Л.Н. Гумилева.

Концепция военного коллективизма не требует привлечения внешних космических воздействий как причин пассионарного толчка (предполагаемых в исходном варианте теории этногенеза) и не запрещает неоднократных подъемов активности в истории достаточно многочисленного этноса. В периоды национального подъема с этой точки зрения осуществляется положительная коррекция (ужесточение) этической программы народа, происходящая в ответ на ужесточение внешней обстановки (завоевательные походы соседей, частичное подчинение страны, стихийные бедствия, изменения климата и др.).

В периоды экспансии и спокойного развития победившего этноса военно-коллективистская этика перестает отвечать реальному окружению большинства индивидуумов. В этих условиях начинают проявляться устремления отдельных личностей и установка на персональное и групповое благополучие, входящие во все более глубокий конфликт с «жертвенной» этикой. Такой конфликт, продолжаясь несколько поколений, трансформирует этические установки народа, что с точки зрения этноса как целого равнозначно

накоплению индивидуалистских ошибок в его информационной программе.

Вследствие ошибок этическая программа дает сбои (рост преступности, массовые уклонения от общественных обязанностей, пораженческая идеология и др.), отчего возможности страны противостоять неблагоприятным внешним условиям снижаются. Эти факторы вместе с усилением лидеров страны по их ослаблению проявляются в отмеченных Л.Н. Гумилевым симптомах упадка, характерных для «фазы обскурации». Нарастающая отрицательная коррекция (ослабление) этики военного коллективизма приводит к снижению доли пассионариев как отражению поведенческого стереотипа: более активные индивидуумы, подобно лидерам «акматической фазы», вместо борьбы за этнос в целом начинают бороться за собственное благополучие против других индивидуумов.

Если сравнить «военный» или религиозный моральный кодекс (достаточно развернутую и сложную систему запретов на проявления «человеческой природы» в обществе) с жестко запрограммированной микросхемой, то коррекцию этических норм поведения в благополучном обществе, сводящуюся к ослаблению или отмене таких запретов, придется признать аналогом коррозии узлов этой микросхемы. Размывание кодекса борьбы под действием биологической природы индивидуумов делает социальное сообщество индивидуалистов в конечном счете нежизнеспособным.

В настоящее время нам трудно сказать, насколько неразрывно коллективизм связан с подавлением личности, а индивидуальная свобода соотносится с этическим старением и смертью этноса. В том случае, если большие общности людей способны принимать в качестве массовых лишь самые простые идеи — такие, как безусловная субординация или эгоизм — модернизированная теория этногенеза выглядит действительно универсальной.

В противовес столь пессимистической точке зрения можно лишь заметить, что частота внесения ошибок в генетическую программу, как и способность ослабленного общества исправлять наиболее опасные ошибки, индивидуальны для каждой нации и страны. Этим, по-видимому, и обусловлен большой разброс времени жизни этносов при его прямом статистическом подсчете, и этим также можно объяснять примеры стран с «повторяющейся» историей. Как индивидуумы, вместе составляющие исторический процесс, мы принимаем ныне посильное участие в одном из таких повторений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: изд. ЛГУ, 1989.
2. Гумилев Л.Н., Ермолаев В.Ю. В кн.: Пределы предсказуемости. Под ред. Ю.А.Кравцова. М.: Центр-Ком, 1997, с. 236—247.
3. Биология. Под ред. В.Н.Ярыгина. М.: Высшая школа. 1999, кн 1, с. 338—426.